

Игорь Берг

ДОРОГА НА ВОСТОК

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Военные приключения (Вече)

Игорь Берг

Дорога на восток

«ВЕЧЕ»

2019

Берег И. В.

Дорога на восток / И. В. Берег — «ВЕЧЕ», 2019 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-8125-3

Майор Денис Ознобин и капитан Александр Загайнов получают приказ отыскать затерявшегося невесть где сына видного военного. И кажется, что нет в этом поручении ничего сложного, но расследующие дело офицеры в итоге попадают на тщательно охраняемый объект, обитатели которого занимаются очень непонятными делами... Новая книга признанного мастера отечественной остросюжетной литературы, лауреата премии «Во славу Отечества».

ISBN 978-5-4484-8125-3

© Берег И. В., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	20
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Игорь Берг

Дорога на восток

«Военные приключения»® является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ООО «Издательство «Вече».

Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

Глава 1

«Ауди-100» догорал. Кузов, совсем недавно благородный темно-синий, теперь превратился в грязно-черный, с какими-то замысловатыми разводами, все время меняющими свои очертания. Стекла оплавилась и лопнули. Земля на обочине вокруг пылающей машины высохла и потрескалась.

И все же можно было понять, что автомобиль загорелся не в результате аварии. Капот и багажник целы, да и стоял «ауди» ровно, даже без наклона. Вот только вместо шин остались какие-то обугленные ошметки. Может быть, как это иногда случается, закоротило проводку, а водитель не успел потушить вспыхнувшее пламя вовремя? Но тогда он должен был сейчас метаться вокруг пожарища с безумными глазами и оглашать окрестности горестными воплями. Или хотя бы стоять неподалеку, зло щуриться и цедить сквозь зубы: «Так тебе и надо, металлом долбаный!»

Но вот водителя как раз нигде и не наблюдалось. То есть ни останков его в пылающей кабине, ни вообще поблизости. Не было ни одной живой души. Возможно, потому, что трасса проходила метрах в трехстах отсюда, и место пожара было надежно укрыто от пролетавших по ней легковушек и грузовиков деревьями, а здесь лежала обычная проселочная дорога, пустынная и покрытая выщербленным асфальтом.

Всмотревшись сквозь поднимающийся к небу жирный черный дым, можно было понять, что не только в кабине, но и в приоткрытом багажнике нет ничего, что обычно должно там иметься. То есть, конечно, лежало обуглившееся запасное колесо, но это и все. Никаких инструментов, ни других посторонних предметов. Словно автомобиль старательно вычистили перед тем, как он загорелся. Или его подожгли...

Пройдет несколько часов, прежде чем на еще теплые останки достойного представителя германской автомобилестроительной промышленности наткнется полупьяный тракторист, ехавший на расхлябанной «Беларуси» за очередной бутылкой и сдуру сообщит о находке на ближайший пост ДАИ. Сдуру, потому что даишники тут же, даже не проверяя его на наличие в крови алкоголя, кинут в камеру – для профилактики – и продержат там двое суток, а потом надают пендюлей и отпустят восвояси. Оно ему надо было – нестись сообщать о сгоревшей машине? Пусть бы себе валялась на обочине в глубине обширной и немного сошедшей с ума Украины...

Глава 2

– Ты «за бугор» не желаешь смотаться? – спросил меня Сашка Загайнов, когда мы обедали в одной из многочисленных кафешек, расплотившихся в московских переулочках. Поскольку их действительно было много, мы каждый раз выбирали новую. Так, для разнообразия. Задания для нас поступали не ежедневно, и торчать целый день в Управлении не было необходимости. Да начальство от нас этого и не требовало. Достаточно было того, что в любой момент меня или Сашку можно было вызвать по мобильнику. Мы просто должны были находиться всегда в готовности выехать в какую-нибудь из точек бывшего великого Советского Союза, туда, где требовалась работа по нашей специальности. К слову сказать, так сложилась ситуация в стране, что в последнее время приходилось работать в основном где-нибудь на юге. Там было напряженной всего.

Итак, каждое утро мы являлись на службу, лениво делились новостями, свежими анекдотами, и обедать шли не в столовую Управления, где в принципе кормили не так уж плохо, а в какую-нибудь закусочную или кафе, где еще не успели побывать. Должны же в жизни быть хоть какие-то перемены?

Загайнова перевели в столицу всего три месяца назад, после наших приключений в Байчории¹. Начальство сочло, что действовали мы там вполне эффективно, и решило впредь отправлять меня на задание только при Сашкиной поддержке. А потому, с помощью всяческих бюрократических ухищрений, его перевели в наше Управление. Сашка не сопротивлялся. Ему, похоже, надоело прозябать в провинции. Тем более, что в Москве он получил еще одну звезду на погоны, став капитаном и, что не менее важно, однокомнатную квартиру. Не сразу, правда. Примерно месяц он пожил у меня, поскольку Рита еще не перебралась из Байчории, отложив все до окончания учебного года в своей музыкальной школе. И мы месяц вели совместную холостяцкую жизнь. Потом ордер на квартиру все же выдали, и Загайнов переехал. Но каждый день мы встречались с ним в Управлении и потом вместе обедали. Дальше каждый занимался своими делами.

Специфика моей работы была такова, что меня никогда не посылали за настоящую границу. То есть я мог действовать во всех бывших республиках Союза, но, к примеру, в Польшу или Чехию, не говоря уж об Англии и Штатах, ездили, видимо, другие, о ком я не знал. Не очень-то и хотелось. Работы вполне хватало здесь. Поэтому Сашкин вопрос о моем желании поехать куда-нибудь «за бугор» меня несколько удивил и насторожил. С чего бы это? И почему спрашивает именно Загайнов?

– А что, есть возможность? – лениво поинтересовался я, ковыряясь вилкой в некотором подобии мясного салата с экзотическими фруктами. Сегодня нам не повезло с кафе. Цены в «Тарангасе» были запредельными, а искусство поваров – минимальным. С таким подходом эта точка общепита протянет от силы пару месяцев, а потом лишится всех клиентов и разорится. Куда хозяева смотрят?

– Вообще-то есть, – сказал Сашка, хмуро разглядывая свою тарелку. Ему тоже не нравилась здешняя кухня.

– И куда именно?

– В Германию.

– Звучит заманчиво. Надолго?

– Как я думаю, дня на три. А все дело займет примерно неделю.

– Дело? Слушай, пошли отсюда на фиг! Меня сейчас стошнит.

---

¹ И. Берг. Степные волки. М.: Вече, 2018 («Военные приключения»).

– Погоди, может быть, у них хоть кофе прилично готовят... Ну да, небольшое такое дельце с автомобильной прогулкой.

Принесли кофе. Он оказался на удивление хорошим. Наверное, я поспешил с оценкой срока жизни этой забегаловки. В конце концов, в нашей стране и не такие заведения выживали и даже процветали.

– Ладно, давай выкладывай, – сказал я, когда мы заказали еще по чашке и закурили.

Загайнов жуткий темнила, выдавить из него необходимые сведения можно только под дулом пистолета. Да и то не всегда. Последние несколько лет он работал в ФСБ, и это наложило свой отпечаток. Но сейчас разговор начал именно он, а следовательно, должен был поделиться информацией.

– Только учти, Диня, все сугубо секретно и дальше тебя это уйти не должно.

– Ладно, немаленький, знаю. Колись.

– Какое-то время я работал с генералом Картышевым. То есть тогда он был еще полковником. Потом перевелся в Москву и получил генерала. А сын его остался с бабкой в Крестополе. Не знаю уж, по каким причинам. Может, сам не захотел отрываться от друзей. Там он учился в институте, на филологическом факультете. Картышеву, конечно, ничего не стоило перевести чадо в любой из столичных вузов, чтобы не выпускать его из-под контроля. Но вот не захотел надавить на сынка. Теперь и имеет, то, что имеет. Пропал сынуля.

– Погоди, при чем тут Германия? Где Крестополь и где Берлин!

– Не перебивай. Картышев-младший отправился к немцам за автомобилем. Знаешь, покупают там подержанные тачки, которые и после десяти лет лучше наших новых «жигулей». Берут достаточно дешево и потом здесь рассекают перед телками. Парню всего двадцать два, конечно, хочется иметь приличные колеса. Другое дело, что обычно такие туры совершают в компании – для безопасности. А он отправился в одиночку. И, возвращаясь, где-то на территории Украины пропал практически без следа. Нашли только сгоревшую машину.

– Опять же, при чем здесь Германия? У хохлов и надо его искать. Так это обычная работа. А я-то уж думал...

– Индюк тоже думал, – хладнокровно парировал Сашка. – Ты дашь мне досказать?

– Валяй. Так и быть, потерплю немного.

– Есть сведения, что в Германию этот пылкий юноша ездил неспроста. Или она нужна ему была, как дымовая завеса, чтобы попасть на Украину. Конечно, звучит это несколько глупо, ведь туда можно въехать совсем не кружным путем. Но тут явно зарыта какая-то собака. Понимаешь, генерал Картышев – фигура довольно секретная. Чем именно он занимается – тебе знать совершенно необязательно. И все связанное с ним или членами его семьи находится под пристальным вниманием не только наших органов, но и соответствующих западных. Поэтому, когда парень не появился вовремя на украинско-российской границе, поднялась тихая паника. Хохлацкие секретные службы быстренько все перерыли, но не нашли ни малейших следов. Наши в первую очередь настучали по башке тем идиотам, которые его вообще из страны выпустили, а потом тоже развели руками. Я услышал об инциденте краем уха и тут же понял, что это дело – для нас. Доложил шефу, тот сначала покорячился, но потом согласился. Машина и завертелась.

Так вот здесь, оказывается, какой расклад... Моего согласия никто и не собирался спрашивать. Сашкино предложение было пустой проформой. Ну, Загайнов... Орел, да и только. Не успел в Управление прийти, как тут же инициативу проявил!

Впрочем, на Сашку я в обиде не был. Дело и вправду могло стать интересным. А если еще и в Германию удастся съездить... Я ведь нигде и не бывал, в сущности. Мотался по просторам бывшего Союза, а хотелось бы, естественно, поглядеть, как в настоящих цивилизованных странах люди живут.

– Думаешь, генеральского отпрыска нужно искать на Украине? Если похитили, то он может сейчас находиться где угодно.

– До сегодняшнего дня не поступило никаких требований о выкупе или чего-то подобного. Есть все основания предполагать, что если парнишка жив, то он в Хохляндии.

Кофе мы уже допили и теперь терпеливо ждали официанта со счетом. Обслуживание здесь было таким же поганым, как и кухня. Нет, видимо, я все же был прав, когда отпустил этому заведению два месяца существования. Может быть, «Тарантас» развалится даже раньше...

– Насколько я понял, у тебя уже разработан подробный план. Итак, что же нам предстоит?

– Очень миленькое путешествие. Завтра днем мы автобусом отправляемся в Германию. Там покупаем подержанную машину и едем тем же маршрутом, которым двигался юный Картышев. По дороге начинается твоя основная работа: определять, жив ли он и где приблизительно находится. Ну а там по обстоятельствам. Или действуем сами, или подключаем местных специалистов. Но, скорее всего, первое. Шефы хотят избежать малейшего шума по этому поводу. Сам должен понимать – нынешней прессе только дай повод для скандала.

– А почему именно автобусом, а не самолетом, к примеру?

– Ты не поверишь. Из экономии. Дело в том, что каждый, кто собирается лететь в Германию самолетом, обязан покупать билет в оба конца. Немцы почему-то такое правило установили.

– Но ведь есть еще поезд! Улеглись бы в купе и всю дорогу выпивали и закусывали спокойно.

– Тоже дороговато. А автобус в самый раз. Прямо от германского консульства несколько штук в день отправляются. Знаешь, такие, шикарные, двухэтажные с сортиром и видео. Полтора суток – и мы в Берлине.

– А нам именно туда нужно?

– Нет, оттуда на юг. Есть такой симпатичный городишко Арнзальц. Я там, кстати, бывал как-то. По дороге все подробно обскажу. Ну так как, едешь?

– Разве у меня есть выбор? – вздохнул я. – Где этот чертов официант?! Надоело сидеть. Больше мы сюда ни ногой!

– Но кофе они хорошо готовят, – сказал Сашка, поднимаясь из-за стола.

– Одним кофе сыт не будешь. Изредка требуется и что-нибудь посущественнее употребить.

Чтобы понять мою покорность судьбе в данной ситуации, надо знать специфику нашей работы. Всего несколько лет назад я был капитаном воздушно-десантных войск. И во время первой чеченской войны, непонятно отчего, у меня вдруг открылись некие способности. Теперь я мог по фотографии определить, жив ли человек, изображенный на ней, и если жив, то в каком направлении от меня находится в данный момент. Никакой выгоды я от этого не получал, способности мои служили аттракционом для развлечения друзей и охмурения доверчивых девиц. Но что-то наверху в один прекрасный момент струнулось, меня забрали из бригады и откомандировали в Москву, в распоряжение Управления. Формально оно относилось к Министерству обороны, но мы, будучи военными тем не менее мундиров никогда не носили и строевым шагом плацы не мерили. Свободный режим, гражданская одежда и готовность в любой момент прыгнуть на самолет и полететь в какую-нибудь «горячую точку», чтобы разыскать там очередного пропавшего или похищенного человека. В большинстве случаев на этом моя работа и заканчивалась. Прибыл, определил, указал. «До свидания, всего доброго, счастливо долететь!» Далее в дело вступали специальные группы, которые производили окончательный поиск и освобождение пленников.

Но иногда по каким-то тайным, неведомым мне, простому смертному, причинам, приходилось действовать самостоятельно. Однажды результатом такой операции стала пуля в моем плече. Ну и еще случилась масса всяких приключений, потом как-нибудь расскажу.

Отдел, в котором я служил, был весьма немногочисленным. Шеф – Сергей Афанасьевич, полковник в штатском. Суровый на вид и знающий дело. О его прошлом я мог только догадываться. Похоже, оно было весьма бурным. Какие-нибудь сверхсекретные операции и не только на нашей территории. Да и сейчас я не был уверен, что под его командой находится только наш отдел.

Светочка – секретарша шефа. Очень милое, прямо-таки воздушное создание. Но весьма себе на уме. По крайней мере, когда я пару раз попытался подбить под нее клинья, то был отшит со всей возможной строгостью, попытки свои оставил, и теперь мы общались, как самые добрые друзья. Не больше.

Борис, наш водитель. Долговязый, немного нескладный, но очень душевный парень. Когда меня вызывают, чтобы лететь на задание, он всегда приезжает за мной. Он же и встречается в аэропорту по возвращении.

Степан. Моя страховка на последнем этапе, когда приходится действовать самостоятельно. Пару раз здорово меня выручал. Например, в той ситуации под Минском, у городка Ракова, когда мне прострелили плечо. Немногословный, мрачноватый спец. Но в последнее время ему стали поручать какие-то другие задачи, потому что появился Сашка Загайнов.

Вместе с Сашкой мы воевали в Чечне. Потом он каким-то образом оказался сотрудником ФСБ, но работал журналистом в провинциальной газете.

С ним мы встретились вновь всего пять месяцев назад, когда меня отправили разыскивать пропавших в малюсенькой степной республике Байчории московских журналистов. Там получилась очень крутая история со стрельбой, погонями на вертолете, взрывами и угоном президентского «роллс-ройса». Крупный чеченский террорист Махмуд Баркаев ухитрился втиснуться в доверие к тамошнему президенту, подверг его психическому воздействию и практически захватил власть. А тем временем готовил переворот и вел в секретном подземелье разработки биологического оружия для терактов во многих российских городах.

Вместе с Сашкой, который попал в Байчорию по своим делам (пытался поймать самого настоящего английского шпиона), мы освободили журналистов, обезвредили Баркаева и уничтожили его подземную лабораторию. За что и получили от местного президента по памяtnому золотому знаку «Степной волк». Я коробку с этой бесполезной цацкой закинул в стол и не вспоминал о ней. А Загайнов повесил ее на видном месте в своей квартире, хвастал перед приходившими девицам и часто заводил антикварный хит «Бонни М» «He was steppe wolf». Я его, естественно, обхихикивал за это. Но Сашка не обижался.

Шеф не без сарказма называл нас «Степными волками», но именно он после успешного, хотя и шумного окончания операции решил, что в паре мы можем действовать эффективней, и добился перевода Загайнова в нашу структуру и его переезда в Москву.

Правда, с тех пор мы всего лишь три раза вылетали на настоящие дела. Да и те оказались не особенно сложными. Так, пара небольших драчек, перестрелка – и в результате двое освобожденных заложников. Когда требовалось только определить, жив ли человек и где примерно находится, летел я один. Сашка занимался какими-то другими делами. Вот одно из них и всплыло теперь.

Я не сомневался, что если сказано: «Выезжаем завтра», – то так оно и будет. Мне не придется беспокоиться ни из-за паспорта, ни из-за визы, ни из-за билета. Все подготовят вовремя. В нашем отделе проколов не бывает. Поэтому я спокойно отправился домой, позвонил Рите, сообщил, что уезжаю в краткосрочную командировку, и уселся перед телевизором с бутылочкой пива. Все, что мне могло понадобиться в дороге, имелось в аккуратной походной сумке, собранной с расчетом на немедленный отъезд. Работа такая.

Глава 3

Встретиться с Загайновым мы договорились напротив германского консульства, откуда отправлялся наш автобус. Я явился вовремя, а Сашка что-то задерживался. У решетки, что окружала консульство, клубилась толпа. Терпеть не могу очередей и даже представить трудно, как бы я психовал, доведись мне добывать визу самостоятельно. Впрочем, сейчас, после полудня, внутрь, для оформления документов уже никого не пускали, а выдавали паспорта с готовыми визами в одной из будочек, служивших проходными для разных категорий выезжающих. Очередь двигалась споро. Получившие визы, радостно улыбаясь, выскакивали через вертушку, некоторые победно скидывали кулак. Чему радовались, дураки? Такое ли это счастье – скадаться к немцам?

Вышедших тут же окружали представители транспортных фирм, вручали им буклеты, расписания движения. Представителей было много. По всей видимости, перевозка россиян автобусами через несколько границ была делом прибыльным. Меня же что-то не грела перспектива полтора суток трястись сидя, хотя и в самом комфортабельном автобусе. Но, если есть такое количество фирм, желающих меня подвезти, в автобусах могут оказаться свободные места и удастся как следует вытянуть ноги.

Время шло, а Сашка все не появлялся. Вчера он говорил, что наш рейс отправляется в четыре часа. Сейчас было без пятнадцати четыре. Где этот разгильдяй шляется? Ни документов, ни билетов у меня не было, все должен был принести он. Да и в любом случае, как бы я поехал без Загайнова? Не хотелось нервничать, но как-то непривычно было откладывать дело, на которое уже получено «добро» у начальства и к которому я сам морально подготовился.

До четырех оставалось ровно пять минут, когда наконец из остановившегося такси выскочил Сашка с кейсом и объемистым пластиковым пакетом в руках. Он завертел головой в поисках меня, увидел и, махнув рукой в сторону здоровенного «мерседеса» с надписью по борту «Фон Байден», сам заспешил к нему. Я подхватил свою дорожную сумку. Через десяток секунд пыхтящий Загайнов уже вручал сотруднице фирмы красные книжечки заграничных паспортов с вложенными в них билетами.

– Проходите, пожалуйста, – улыбнулась она. – Занимайте места на втором этаже.

Сашка победно улыбнулся, словно не видя мои разъяренные глаза. По узкой винтовой лестничке мы поднялись наверх. Тут было довольно тесно, но свободных мест имелось в достатке. Загайнов кинул свой кейс на сиденье и осторожно уместил рядом с ним пакет. В пакете глухо звякнуло.

– Не надейся, это всего лишь пиво. Ну и жратвы немного. Должен же был я что-то взять нам в дорогу? А то фирма обещает покормить в счет билетов всего лишь раз. Все остальное время нам что – лапу сосать?

– Ты раньше приехать не мог? Терпеть не могу все решать в последний момент! – злость моя еще не прошла. Хотя о пропитании на дорогу я мог бы и сам подумать.

– Да понимаешь, – стал оправдываться Сашка, – тут с товарищем одним встретился, никак расстаться не могли. Она...

– Знаем мы этих товарищей! Как собственную квартиру получил, так бабы косяком пошли!.. Чего хоть набрал? – ворчливо сказал я, остывая.

– Так, ерунды разной, чтобы не скучать. Зато пива – море, чуть пакет не порвался. Не переживай, я же говорил, что автобус с сортиром. Не придется водителя просить останавливаться каждые полчаса.

Мы удобно расположились в креслах и хотели уже обревизовать Сашкины запасы провизанта, но прошло еще минут сорок, прежде чем автобус тронулся. Успели даже пару раз пере-

курить на улице, потому что сразу выяснили, что курить здесь можно только на остановках, которые будут происходить каждые три-четыре часа.

Пассажиров прибавилось. За моей спиной уселся томного вида гражданин так называемой «кавказской национальности». В руках у него была внушительных размеров оплетенная бутылка с самодельной пробкой. И вообще он походил на грузина, только-только спустившегося с гор. Почти так впоследствии и оказалось.

Появились четверо девиц весьма скромного поведения. Они чинно расселись и тут же достали институтские учебники немецкого языка. «Студентки», – решили мы с Сашкой. Через проход села невысокая девушка с очень милым лицом, в джинсах и легкой курточке. Она вежливо улыбнулась нам. Загайнов, дамский угодник, тут же шепнул мне, что путешествие может пройти не без приятности. Потом в автобус загрузились несколько семей с детьми разного возраста. В общем, компания подбиралась весьма разнородная. Она практически ничем не отличалась от той, которая собирается на обычном междугороднем рейсе. Ну что же, видимо, автобусное сообщение с западными странами стало делом распространенным и обычным.

На всякий случай мы незаметно огляделись и пришли к выводу, что отъезд наш проходит незамеченным и за нами никто не следит.

Автобус наконец отправился в свой долгий путь, и мы открыли по первой бутылке пива.

– Ну, теперь давай подробности, – велел я Сашке.

Он полез в кейс и достал небольшую цветную фотографию.

– Вот это и есть наш клиент.

На снимке был изображен парень двадцати с лишним лет, коротко стриженный, с вполне обычным, не запоминающимся с первого взгляда лицом. Нос немного картошкой, пухловатые щеки, козлиная щетина на подбородке. Такие на улицах большого города встречаются через два на третьего. Вот только глаза у него...

Глаза Андрея Картышева смотрели на мир мрачно и вызывающе, словно все вокруг ему задолжали, но долг отдавать не спешат. Он об этом знает и намерен отнять свое любыми способами и средствами, в выборе которых стесняться не собирается. Жутковатые глаза, и если бы они принадлежали не молодому парнишке, а взрослому мужику, я был бы с таким человеком очень и очень осторожен в обращении, ожидая от него любой гадости.

– Обратил внимание на взгляд? – спросил Сашка. – Вот-вот. А папа у него вполне приличный дядька, хоть и генерал.

– А кто мама?

– Мамы нет, три года назад погибла в автокатастрофе. Официальная версия – была пьяная, вот и не справилась с управлением. Но там тоже какая-то мрачная история... Картышева после этого перевели в Москву. А чадушко осталось с любимой бабулей. Я не стал копию досье брать с собой, на месте просмотрел.

– Там есть что-нибудь этакое? – я пошелкал пальцами.

– Абсолютно никакого компромата, – поняв мой жест, сказал Сашка. – Малец чист и благонравен. Студент-отличник, любимец товарищей и девиц, член студенческих научных обществ и все такое прочее.

– Так в чем же дело, куда он мог деться и зачем вообще отправился в эту авантюрную поездку?

– Есть мнение, что исчезновение все-таки связано с работой его папеньки. Там жутко секретные дела, такие, что даже нам знать не положено. Но вот сына те службы, которые обязаны все знать, почему-то прохлопали. Представляю, как там звездочки с погон посыпались.

– Да уж, без этого не обошлось... И все же, Саш, не дают мне покоя его глаза. Я физиономист неплохой, и морда лица у юноши вполне благообразная, но с такими глазами прямая дорога в серийные убийцы.

– Значит, хреновый ты физиономист, – заявил Сашка, и в голосе его послышалось превосходство. – Встречал я серийных убийц, большинство из них на вид ничего особенного собой не представляют. Как говаривал гражданин Паниковский – жалкие, ничтожные личности. Дьявол у них глубоко скрывается, так, что и не разглядишь на первых порах. Впрочем, не могу не согласиться – глаза милого отличника Андруши наводят на определенные мысли. Есть у меня по этому поводу кое-какие соображения, но пока говорить не буду. Суеверным стал в последнее время. Стоит о чем-нибудь раньше времени сказать – все, считай, пропало дело, ничего не выгорит. Так что поделюсь, когда время придет. А пока – держи.

Он полез в карман и достал тощенький конверт. Я, любопытствуя, заглянул, потом пересчитал купюры. Пятьсот евро сотенными бумажками. Не так уж и шикарно.

– У меня столько же, – успокоил Загайнов. – Плюс еще две штуки на покупку подержанной машины, ее оформление и дорогу назад. Что говорить, для поисков сына генерал мог бы и больше отвалить. Хотя, есть подозрение, что это совсем не он выделил, а соответствующее ведомство. Помнишь, как в том старом анекдоте: «Легенда меняется. Будете в Париже не графом, а бомжем и ночевать придется под мостом»?

– Что, действительно под мостом?

– Не-ет, – рассмеялся мой приятель. – Это уж им дудки. Нам предстоит провести пару ночей на нормальной европейской вилле.

– Всегда мечтал пожить на вилле, – сказал я и с удовольствием откупорил новую бутылку пива.

Сашка смутился.

– Конечно, не совсем вилла. Так, двухэтажный домик. Но в очень живописной местности.

– Тоже неплохо. В любом случае не под мостом... Слушай, а как у нас с языком? Я, если честно, хоть и знаю немецкий, но ни разу на практике его не применял.

– У меня с этим лучше, я в Германии несколько раз был. Ну, приставлю к тебе Герберта, он по-русски сносно изъясняется.

– Герберта?

– Приятель мой, Герберт Шрайбер. Я, когда в газете работал, познакомился с ним. Вполне случайно. А потом он вызов прислал. Все сам оплачивал, очень уж интересно было с русским журналистом как следует пообщаться. Да ему это особого финансового ущерба и не нанесло. У них знаешь, сколько журналисты получают? О-го-го! По сравнению с ними наши журналюги – те самые нищие из-под моста.

– Ну и как там, в Германии?

– Сам скоро согласишься. Рассказывать об этом бесполезно. Одно могу сказать: Арнзальц – самый симпатичный город, из тех, что я видел в своей жизни.

Так мы сидели, болтали, пили пиво, перекусывали гриль-цыпленком, прихваченным Загайновым в дорогу, а двухэтажный автобус уносил нас все дальше от Москвы к белорусской границе. Далеко я не заглядывал. Всегда лучше получить какую-то предварительную информацию, а потом действовать по обстановке. И то, что придется действовать где-то за рубежом, меня совсем не смущало. Везде люди живут. Надо только внимательно присматриваться, как именно они живут, и стараться не обращать на себя их внимания. Тем более, что по предварительным Сашкиным расчетам пробыть в Германии нам предстояло от силы три дня. За это время вряд ли кто нами может заинтересоваться.

И тут же пришлось себя одернуть. Да кто нами там будет интересоваться? Кому мы на фиг нужны? Приехали еще двое русских, купили подержанный автомобиль, побегали по магазинам в поисках сувениров и благополучно отвалили. Скатертью дорожка. Таких каждый день несколько сотен прибывает. Железный занавес рухнул, свобода! Каждый волен ехать куда и когда хочет.

Немного настораживали слова Загайнова о каких-то его подозрениях. Ничего, потерпим, на месте все выяснится...

За окнами стемнело. А вместе с сумерками начали проявляться личности тех, кто ехал вместе с нами в автобусе. Спустившийся с гор грузин нашел общий язык с каким-то этническим немцем из Казахстана (он и на немца был не похож, обычный туповатый тракторист, каких множество на бывших целинных землях), и они, распечатав оплетенную бутылку, потчевались чачей. Сначала надрались сами, а потом стали угощать тех самых чинных девушек-студенток. Студентки долго отказываться не стали, быстро догнали угощавших их мужчин и оказались простыми девками, едущими в Германию на заработки. Как именно они собираются там зарабатывать, выяснилось, когда одну из них томный грузин увлек в темноту, царившую в районе задних сидений. Бывшая «студентка» и не думала сопротивляться, только что-то жарко шептала на ухо своему кавалеру. Видимо, договаривалась о цене за услуги.

– Ну вот, – усмехнулся Сашка, – у них заработки уже начались. А нам предстоит только тратить.

– Предлагаешь тоже таким образом зарабатывать? – хмыкнул я.

Этнический немец, шумно дыша чачей, просунул морду между спинками наших сидений и предложил выпить за свою историческую родину.

– Это за Казахстан, что ли? – грозным голосом осведомился я. – Или за Поволжье? А ну, спрячь рыло и не позорь свою нацию, чувырло! Немцы столько не пьют!

Морда убралась.

– Зачем ты так? – кротко сказал Загайнов. – Во-первых, немцы всякие бывают. И сильно пьющие тоже. А во-вторых, он же подвергся длительному воздействию советской среды. Тут кто угодно пить научится.

– Вот и пускай привыкает к европейской цивилизации, – не сдался я. – Если немец, то должен только пиво хлестать в неограниченных количествах!

И мы с Сашкой открыли еще по одной бутылке. Путешествие продолжалось...

Едва я задремал, как автобус плавно затормозил и остановился у скудно освещенного здания. Водитель объявил через динамики:

– Остановка на полчаса. Желающие могут размять ноги, покурить и воспользоваться обычным туалетом.

– Пойдем, что ли? – толкнул меня Загайнов. – Курить уже хочется. Да и просто свежего воздуха плотнуть. А то тут сплошной перегар. Когда у него только бутылка кончится?

Мы спустились вниз и вышли на улицу. Это была стандартная гостиница на трассе, предназначавшаяся для дальнобойщиков. Моросил мелкий противный дождик и народ резво потрусил ко входу, за которым предполагался тот самый обычный туалет. Сашка почему-то придержал меня за локоть.

– Что случилось?

– Погоди, сейчас интересно будет. Ты как, в форме?

– Я всегда в форме, – оскорбился я. – Так в чем дело?

– Есть шанс надавать кое-кому по ушам. Чтоб не шумели, козлы.

– Ага, – только и оставалось сказать мне.

Ситуация прояснилась. Загайнову просто стало скучно сидеть без дела и слегка потянуло на подвиги. Так оно и оказалось. Когда весь желающий народ облегчился, мы спустились к туалетам. Здесь нас уже поджидали томный грузин и этнический немец.

– Эй, биджо, – сказал грузин, – ты моего друга обидел. У нас так не положено. Извинись.

– Может, ему еще и пива поставить? – спросил я, прикидывая, что тут можно использовать с наибольшей эффективностью. Ну не отрывать же писсуары от стен? А больше ничего подходящего в обозримом пространстве не было.

– Можешь и пива, – согласился друг немца-тракториста. – Но сначала извинись.

Сашка молча прошел к свободной кабинке и заперся там. Вот гад какой! Но два эти оболтуса для меня проблемы не представляли. Мой приятель мог спокойно опорожнять мочевой пузырь.

– Ладно, – заявил я, – пива, так и быть не поставлю. Но и извиняться не буду. Удовлетворены?

Грузин, хотя и был сильно на взводе, абсурдность моего ответа понял.

– Тогда мы тебя накажем, – сказал он. – Не бойся, по лицу не попадем, тебе еще через границу ехать.

И двинулся ко мне. Все это время этнический немец молча переминался с ноги на ногу и в разговор мужчин не встречал. Был он покрупнее своего грузинского друга, однако в драке наверняка проигрывал более легким и подвижным противникам. Если, конечно, случайно не заезжал им в ухо своим тяжелым кулачищем.

А грузин, несмотря на степень податия, все же мог отчудить что-нибудь неожиданное.

Он и попытался. Какой-то дурак научил его основам карате, и теперь нога в грязном ботинке взметнулась в воздух, целя мне в живот. Ну, кто же так поступает с незнакомым человеком? Я возмутился, отступив на шаг назад, перехватил ногу, стараясь при этом не испачкать пальцев, и слегка дернул на себя. Прежде чем нападать, выясни способности противника, потом действуй. И действуй с головой. Святая заповедь. Я ее придерживаюсь. А вот грузин не стал. И звучно приложился мордой о кафельную плитку пола. Мне было совершенно наплевать на то, что ему тоже предстоит пересекать границу и лицо может существенно не совпадать с фотографией в паспорте.

Тут очнулся казахский немец и, зарывчав, бросился на меня. Не такой уж он был неповоротливый. Но в этот момент, как назло, на пути его оказалась дверь. Сашка, выходя из кабинки, резко открыл ее. Эффект был потрясающим. Это походило на кино. Мужик постоял несколько секунд с мутным взором, а потом мягко осел на пол.

– Ну что, разобрался? – спросил Загайнов с невинным видом. – Будем их в чувства приводить, или пускай так полежат, сами очухаются?

– Да надо бы потормозить, а то перекур скоро закончится, могут здесь остаться, – сказал я. Потом пригляделся внимательней. – Нет, ничего страшного, через пять минут будут как новые.

– Не совсем, конечно, – усмехнулся Сашка. – Но и так сойдет.

И мы пошли на свежий воздух. На крыльце, укрываясь от дождика под козырьком, курили несколько человек из нашего автобуса. Неожиданно из темноты вынырнула одна из «студенток» и повисла у меня на шее.

– Мальчики, – сказала она заплетающимся языком, – хотите, я вам хорошо сделаю?

– Спасибо, дружок, – рассмеялся я. – Нам уже твои друзья хорошо сделали. Лучше им помощи.

Она непонимающе посмотрела на нас и вновь канула в мокрую темноту. Когда мы уже уселись на свои места, появились грузин с немцем. Молча устроились за нашей спиной и так же молча принялись допивать бутылку. Потом благополучно уснули и всю ночь нас не тревожили...

Рано утром автобус три часа проторчал на белорусско-польской границе. Хмурые теткитаможенницы копались в сумках, криминала не нашли, зачем-то заставили всех пересчитать свою валюту и, наконец, благополучно отпустили. Поднимаясь по лесенке, Сашка удовлетворенно хмыкнул.

– А все-таки я молодец!

– Это с чего же ты такие далеко идущие выводы делаешь? – не утерпел я.

– Да, понимаешь, собирались мне кое-какую ерунду с собой навязать. Так, приспособленница разные, чтобы работать сподручнее было. Вот я и говорю – молодец, что ничего не взял!

Загайнов обожает разные шпионско-диверсионные штучки и очень успешно ими пользуется. Впервые я с этим столкнулся в Байчории. Без его аппаратуры мы ни за что не проникли бы в секретный подземный туннель чеченского террориста, где держали пленников и занимались разработкой биологического оружия. Я и теперь был уверен, что без чего-нибудь такого Сашка в дорогу не отправится. Выходит, ошибся.

– Как же ты теперь будешь действовать без своей электроники и взрывчатки?

– Вот это как раз не проблема. Во-первых, в цивилизованную страну едем, а во-вторых, свет не без добрых людей.

Интересно, подумалось мне, что это за добрые люди в цивилизованной стране, которые пользуются мини-бомбами и подслушивающей аппаратурой?

Около одиннадцати часов автобус наконец остановился у небольшого ресторанчика по соседству с заправкой. Как ни велик был пакет с провизией, захваченный Сашкой из Москвы, содержимое его уже подходило к концу. А кроме того, обещала фирма нас хотя бы раз накормить в дороге? Вот и пусть выполняет.

Хорошо, что пиво у нас еще оставалось. Обед оказался абсолютно безалкогольным и довольно безвкусным. Жиденький супчик, какие-то кусочки мяса с вермишелью. Единственное утешение – все очень чисто и аккуратно. Симпатичные официантки-польки так и кружились вокруг стола, убирая опустевшие тарелки и подавая полные. По-русски они понимали отлично, надо было только каждую фразу начинать: «Прошу пани...»

Мне, впервые выехавшему за пределы бывшей большой родины, многое было в диковинку. Но вида я старался не подавать, изображая из себя такого глобтроттера, исколесившего вдоль и поперек если не весь мир, то уж Европу точно.

Но в принципе Польша мне не понравилась. Узкие улочки в городках, которые мы проезжали, частные домишки, стоящие на отлете, и поля, поля, поля. Сельскохозяйственная такая страна. Ну, наверное, там есть и большие города, но мы увидели лишь Варшаву, по которой долго зачем-то кружили.

А ближе к вечеру, почти у немецкой границы, всем желающим предложили еще раз перекусить. Но уже за свой счет. Семьи, ехавшие с нами, видимо, проделывали этот путь не раз, потому что припасов у них обнаружили горы, и они все время усиленно жевали. Мы же с Загайновым решили не мелочиться и потратили небольшую часть своих командировочных. Тем более, что их поляки принимали совершенно свободно. За совершенно мизерную сумму еды навалили нам, наверное, на пятерых. Огромные, во всю тарелку, отбивные мы так и не смогли доесть. Возможно, потому, что стали пробовать местное пиво, и оно нам понравилось. В России был не так давно период, когда пиво туда везли со всего мира и в каком-нибудь задрипанном ларьке можно было свободно купить, например, пару бутылочек мексиканского «XX» – «Dos Equis». Было среди этого изобилия и польское. Но тогда оно как-то прошло мимо внимания. А теперь Сашка жмурился, как сытый кот, и все приговаривал:

– погоди, вот доберемся до места... Уж там душу отведем!

И непонятно становилось: по делу мы едем или пиво пить?..

Граница с Германией в Кюстрине не запомнилась. Было очень раннее утро, все не выспались, зевали и хотели только одного – ехать дальше побыстрее. А первый этап нашего с Загайновым путешествия уже подходил к концу. До Берлина оставалось всего полтора часа...

Насколько Варшава показалась нам серой и мрачной, настолько поразил и порадовал сияющий огнями Берлин. Автобус проехал через самый его центр – по Унтер ден Линден, под Бранденбургскими воротами, мимо рейхстага. Сашка показал пальцем:

– Несколько лет назад один клоун ухитрился произведение искусства создать – запаковал весь рейхстаг в такую серебристую ткань. Народ со всей страны приезжал посмотреть, а если повезет, то и кусочек на память отрезать. Они тут время от времени чудят. Скучно жить, наверное, когда все у тебя есть. Но нам такое еще долго не грозит.

Трудно было с ним не согласиться.

Еще по дороге мы выяснили, что нас немного обманули в Москве. После Берлина автобус не спускался к югу, а шел как раз на север страны, в Гамбург. Так что, предстояло, видимо, до Арнзальца добираться самостоятельно. Мы утешались тем, что поезда везде ходят, а деньги у нас пока есть.

Но, оказалось, фирма решила выполнить свои обещания до конца. У вокзала «Zoo», где остановился автобус, нас поджидал мужичонка с потрепанным «фольксвагеном». Он и должен был довезти нас до самого Арнзальца. А вот грузину с опустевшей бутылкой и его приятелю так не повезло. Им тоже надо было на юг, но совсем не туда, куда нам. Так что дальше фирма отправляла их поездом.

В машину погрузились еще парень, который и оказался настоящим студентом, ехавшим в университет в Галле по обмену. Села и та симпатичная девушка в джинсах и курточке. Всю дорогу Сашка пытался завязать с ней знакомство, но выяснил только, что зовут ее Еленой, и едет она в гости к друзьям. Разговаривала она с улыбкой, но от дальнейших расспросов вежливо уклонилась. Загайнов разочарованно отстал.

Уже протрезвевшие девицы отправились дальше, развлекать морячков в веселом портовом городе Гамбурге.

Студент и Елена молчали, словно напуганные окружающей их новой действительностью, я, устроившись поудобнее, через некоторое время задремал. А Загайнов, сев рядом с водителем, тарыхтел с ним всю дорогу. Я только и понял, что Сергей здесь уже пять лет, привезла его жена-немка, язык так и не выучил, и не стремится, потому что можно обойтись десятком расхожих фраз. Работает в фирме таким вот ночным извозчиком, получает неплохо, всем доволен, а в отпуск ездит во Францию и Италию. Забавно, как люди на чужбине устраиваются. У нас бы ему с такой работой только Джубга светила или Туапсе...

Под утро сделали небольшой крюк, чтобы заехать в Галле. Оказалось, что Елена тоже ехала в этот город. Когда мы тронулись дальше, Сашка философски заметил:

– Значит, не судьба...

Проснулся я, когда машина остановилась на вокзальной площади в Арнзальце. Мы попрощались с водителем, поставили часы по средневропейскому времени (оказалось, что всего шесть утра) и отправились искать дом Сашкиного приятеля.

Еще не рассветало, но улицы были полны народа, работали булочные и кафе, на стройке шумели и визжали машины. Загайнов шагал уверенно, видно было, что он город знает. Я еле поспевал за ним, поминутно озираясь по сторонам. Но через какое-то время шаг его замедлился, а потом мы и вовсе остановились. Я понял, в чем дело.

– Что, Сусанин, заблудился?

– Понимаешь, Диня, мы не по той улице пошли. Я срезать хотел, чтобы быстрее добраться. А теперь сам не знаю, где мы.

– Чего проще? Давай у людей спросим!

Но этот номер у нас не прошел. Все вежливо выслушивали Сашкину сбивчивую речь, но только пожимали плечами. Нет, они не знают, где находится Терглебенштрассе, никогда о такой не слышали. Несмотря на то, что было довольно прохладно, Загайнов то и дело вытирал взмокший лоб.

– Что за черт! Не могла же эта долбаная улочка испариться?

– А она большая?

– Нет, всего несколько шикарных домов и небольшой парк перед ней.

– Парк как называется?

– Не помню, чтоб его разорвало!

Нам ничего не оставалось, как продолжать расспрашивать всех встречных и поперечных. Каким-то образом мы забрели на стройку. И тут нас поджидала удача. Строители очень

сочувственно отнеслись к двум заблудившимся русским. Один вспомнил, что у него в машине завалился план города, полез в бардачок и достал его. Через две минуты мы уже узнали, что блуждали вокруг этой чертовой Тертлебенштрассе. До нее было всего сто метров. Но здесь находилась старая часть города, улицы петляли совершенно произвольно, а та, которую мы искали, была и вовсе крохотной. Неудивительно, что никто не представлял, где она находится.

– Ты заметил, что нас никто никуда не послал? – задумчиво сказал Загайнов, когда мы уже попрощались со строителями.

– Очень плохо, что не послали! Жить в городе и не знать его улиц! Что за ерунда?

– Да нет, я не то имел в виду. Нас не послали ни к черту, ни куда подальше. Ты много знаешь строителей в Крестополе, которые полезли бы за планом города, чтобы показать двум немцам, где находится какой-нибудь малюсенький переулок?

Но на этом наши злоключения не кончились. Когда мы нашли дом Герберта – действительно очень милый двухэтажный особнячок и, как я разглядел, даже с подземным гаражом, – он оказался наглухо закрыт. На окна были опущены металлические шторы, стеклянная дверь, армированная красивой металлической решеткой, заперта. Сколько мы ни звонили, никто не отозвался.

– Вот еще новости, – растерянно сказал Сашка. – Я ведь ему три дня назад сообщил, что приезжаем. Ничего не понимаю...

– Ты видел, как рано здесь народ работать начинает? Может, он тоже в свою редакцию укатил. Теперь придется ее разыскивать.

– Ну да! Улицу еле нашли, а уж редакцию... Да и рабочего телефона Герберта не помню. Я ему всегда домой звонил.

Тут меня осенило.

– Стоп! Сейчас пойдем, купим газету, найдем там нужный телефон и звякнем.

– Тоже мысль. Осталось только киоск обнаружить.

Но ничего искать не пришлось. Из соседнего дома вышла дама с пуделем на поводке, и я, собрав весь свой словарный запас, объяснил гнедиге фрау, что вот, приехали в гости к господину Шрайберу, а его нет дома.

Гнедиге фрау заулыбалась.

– Они очень поздно возвращаются с работы и поздно просыпаются. Так что, скорее всего, они дома, просто спят. Я позвоню по телефону. Минуточку.

Она достала мобильник, пощелкала клавишами и действительно через минуту сообщила, что все в порядке, господин Шрайбер сейчас спустится. Мы рассыпались в благодарностях.

Из окошка над входом высунулась заспанная физиономия и радостно закричала на неплохом русском:

– О, Александр! Ты приехал! А я не знал, когда ждать! Сейчас!

– Как это он не знал, когда ждать? – спросил я, когда мы уже стояли у дверей.

– Понимаешь, я же не назвал точную дату. Мало ли что...

– Ну, ты и клоун! – только и сказал я.

Позже Герберт смеясь говорил:

– Когда французы едут в гости, они сначала звонят за неделю до этого, потом накануне, потом отправляясь в путь, потом пару раз в дороге. У русских, наверное, это по-другому.

Да уж, подумал я. У себя, может быть, мы и часто звоним. Но вот за границей... Кстати, немцы называют мобильные телефоны ласковым словечком «хенди» – «ручничок»...

Может быть, для хозяев это был просто дом. Но лично я так себе настоящую виллу и представлял. С большим залом на первом этаже, обставленным старинной дубовой мебелью и современными белой кожи диванами. На стенах несколько картин между книжных стеллажей. Застекленные горки со старинной фарфоровой и стеклянной посудой. Огромное окно-дверь,

выходящее в небольшой, но очень живописный сад. Бассейна, правда, не было. Но зачем в относительно холодном европейском климате бассейн? Не Калифорния, чай.

На втором этаже находились спальня и рабочие кабинеты (каждому – свой!) хозяев. Имелась еще обшитая деревом мансарда, где Герберт оборудовал себе фотостудию. А в просторном подвале кроме гаража и подсобных помещений была сауна. Н-да, пожалуй, у нас очень и очень немногие журналисты могли позволить себе что-нибудь подобное...

Герберт объяснил, что сын его сейчас в Лейпциге, учится в тамошнем университете. Естественно, на факультете журналистики.

Со второго этажа спустилась жена Герберта, Ханна, блондинка с чисто немецкой внешностью. Как и муж, она была журналисткой, заведовала отделом в местной газете. Герберт же оказался заместителем главного редактора. Хозяева показали нам гостевую комнату с двумя кроватями, накормили завтраком, пообещали освободить следующий день, чтобы помочь нам с покупками, и уехали на работу.

– Вот уж помощь нам совершенно не требуется! – заявил Сашка. – Будут таскать по магазинам и советовать покупать, что подешевле. Знаю я немцев. На любой ерунде сэкономить норовят и считают, что все так должны жить. Может быть, для обычных туристов это и неплохо, но в нашем положении каждая минута на счету.

Он уже успел сходить в подвал и притащить оттуда несколько бутылок местного пива (Герберт специально приготовил пару ящиков к нашему приезду). Пивной завод в Арнзальце после воссоединения двух Германий выдержал конкуренцию и не закрылся. Пиво и в самом деле было превосходным. Мы с полчаса посидели, смакуя напиток, а потом Загайнов непоследовательно заявил, что ему-то надо по делам, а я могу сегодня распорядиться собой как хочу. Я пожал плечами. Незаметно получилось так, что в этой нашей операции командовал Сашка. Ну и пусть. Ему известно больше, чем мне. И еще хотелось побродить по городу, посмотреть, что тут и как. Все-таки первый раз за границей. Немецкий мой оказался не так уж и плох, философских дискуссий вести не получится, но в магазинах объясниться смогу. Так и решили, договорившись встретиться в полдень у местного почтамта.

Глава 4

Арнзальц был великолепен. Древний город, сохранивший массу старинных зданий. Разумеется, их реставрировали. Но не отстраивали заново. Во время войны здесь совершенно не было бомбежек. Американцы вошли без боя. По рассказу Загайнова, стоило первому и единственному американскому самолету пролететь над городом, как на шпиль здешнего собора тут же влез один из местных военных чинов и стал размахивать белым флагом.

Правда, потом, когда самолет улетел, капитулянта стащили вниз его братья по оружию и без суда и следствия расстреляли. Что не помешало им, заслышав шум приближающихся «виллисов», мгновенно сбежать.

Еще при демократической власти западные немцы часто присылали городу деньги на реставрацию исторических зданий. Заботились в надежде на будущее воссоединение, наверное. Однажды пришла целая колонна грузовиков с листами специальной меди для собора. Теперь он выглядел старинным, но не дряхлым.

Я побродил по узким улочкам, жалея, что не захватил с собой фотоаппарат. Потом стал заглядывать в магазины.

Оказалось, что на мои евро не очень-то разгуляешься. Можно купить кое-что из шмоток, скромные подарки для Риты и друзей. Вот и все. Но зато шмотки – не какие-нибудь турецкие или китайские, а европейские, хорошего качества. И подарки вполне оригинальные, таких в Москве не встретишь.

Первым делом я приобрел джинсы. Да не какие-нибудь, а «Levi's». Здесь они были жутко дорогими, но зато гарантированно настоящими. Ну что делать, люблю я эти синие штаны, причем непременно, чтобы настоящие! А то у нас берешь безо всякой гарантии. И хотя сейчас сплошь и рядом те же «ливайсы» строчат из подлинной джинсы, подлинными нитками и даже заклепки ляпают натуральные, из Штатов привезенные, а все равно не то. И не надо со мной спорить! Я в джинсах с малолетства бегаю, можно сказать, в них родился и только их и носил. Не считая, конечно, военной формы...

Тут же в кабинке переоделся, а на улице, неподалеку от магазина, нашел мусорный контейнер и выбросил в него пакет со своими старенькими «вранглерами». Их действительно уже стыдно было носить. Купил еще кожаную куртку, судя по этикетке, – уцененную. Но на мне она смотрелась просто отлично. Продавец даже поцокала языком, выражая восхищение моим выбором. Хотя, может быть, у них полагалось льстить покупателям...

На этом покупки лично для меня кончились и начались поиски подарков для Риты. Я чуть голову не сломал, но так и не смог на что-нибудь решиться – слишком большим был выбор. В любом случае покупать что-то для женщины – тяжелейший труд, обязательно промахнешься, обязательно возьмешь не то. Я махнул на это дело рукой и решил посоветоваться с Сашкой. Может, ему оригинальная идея в голову придет? Тем более что время близилось к полудню, а надо было еще отыскать почтамт...

В отличие от улицы, на которой жил Герберт, местное почтовое учреждение нашлось почти сразу. Первый же прохожий, к которому я обратился, вежливо все рассказал и указал сторону, в которую мне следовало двигаться. Но Загайнова перед мрачноватым серым зданием не было. Я закурил и принялся терпеливо ждать. Сашка появился на второй сигарете. Был он весел и преисполнен энергии.

– Пойдем что-нибудь перекусим! А то утренние яйца и сыр давно уже переварились. Заодно и поговорим. Есть кое-какие новости.

Чем можно перекусить в Германии – быстро и недорого? Конечно же знаменитыми жареными сосисками и пивом. Заведений, в которых этими «символами» торгуют, в каждом немецком городе масса. Нашлось подходящее и для нас, в двух шагах от почтамта. Внутри стеклян-

ного современного павильончика мы усаживаться не стали, расположились на свежем воздухе за одним из пластиковых столиков. Притащив по бокалу с пивом и тарелку с сосисками и булочками, Сашка с ходу оценил мои покупки.

– Молодец, времени не теряешь, прибарахляешься. Смотри, все не растрать, нам здесь еще пару дней околачиваться. Как с языком?

– Вполне. Можно твоего приятеля не задействовать в качестве переводчика... Так что у тебя за новости? И где ты их ухитрился раздобыть? Старые знакомства?

Загайнов довольно прищурился на весеннее солнышко.

– Можно сказать и так. Что же ты думаешь, я раньше сюда так запросто приезжал, от нечего делать? Еще во времена существования ГДР наша контора очень плотно контактировала с местной, так называемой Штази. Ну а потом, после объединения, остались связи, которые по наследству перешли к фээргэшной службе безопасности. Кое-кто из людей – тоже. Так что контакты поддерживаются и ныне. Не такие тесные, разумеется, как раньше, в европейских рамках, без панибратства. Но если возникает нужда в консультациях, наши службы обычно друг другу не отказывают. В разумных пределах. Я со Штази никаких дел не имел, в контору позже пришел. Но некоторые концы мне передали, когда собрался сюда первый раз ехать. Вот сейчас и пригодилось. Короче, наш клиент действительно в Германию не зря приезжал. Зафиксированы его встречи с местными сатанистами. Каково?

Я присвистнул.

– Думаешь, он курьером поработал?

– Вполне вероятно. Тутошние поклоннички дьявола вполне мирно себя ведут, их контролируют весьма плотно, не разгуляешься. Но и не пресекают, как у нас. Демократия все же, уважение к убеждениям каждой отдельной личности должно быть непременно.

В Сашкином голосе слышался неприкрытый сарказм.

– Ну, встречался глуповатый юноша с собратями по вере, что тут такого?

– Да как тебе сказать... Пока эти ребята-сатанята не объединены, они большой опасности из себя не представляют. Что, если приезд Картышева-младшего – попытки объединения?

– Но ведь пропал он не здесь, а на Украине! При чем тут местные сатанисты?

– Вот это нам и предстоит выяснить до того, как трогаться в обратный путь. Я пока и сам еще ничего не понимаю.

В этот момент почти бесшумно мимо нас прошел длиннющий трамвай. Пассажиров в нем было совсем немного, не то, что в наших, обычно переполненных. Бросив взгляд на этого электрического красавца, я не поверил своим глазам. У окна сидела наша вчерашняя попутчица Елена. Но ведь она осталась в Галле! Выходит, как только мы отправились дальше, в Арнзальц, она тут же последовала за нами? Не может быть! А главное – зачем?

– Посиди здесь, – торопливо сказал я Сашке и бросился догонять трамвай.

По счастью, ближайшая остановка оказалась недалеко, и мне удалось вскочить в заднюю дверь в последнюю секунду. Прошел по вагону, запоздало вспомнив, что даже не знаю, чем тут платят за проезд и каковы размеры штрафа, если билета у тебя нет. Ладно, разберемся...

Девушка сзади действительно была очень похожа на Елену. Но в чем-то и отличалась. На всякий случай я все же, заранее радостно улыбаясь, тронул ее за плечо.

– Леночка, какими судьбами?

Она непроизвольно дернулась и повернула ко мне удивленное лицо. Очень и очень похожее. Но опять же – чем-то отличающееся. А когда она заговорила по-немецки, я понял, что непростительно ошибся. Местное пиво так подействовало, что ли? Ерунда какая!

Сбивчиво извинившись за ошибку, я выскочил на остановке и понуро побрел назад, ругая себя в душе на чем свет стоит. Ну с чего я взял, что девушка, ехавшая в гости, непременно должна следить за нами? Так скоро собственной тени будешь пугаться...

Загайнов за время моего отсутствия взял еще по одному пиву.

– Куда это ты бегал? – подозрительно поинтересовался он. – Туалет искал, что ли? Тут прямо в кафе подземный есть.

– Нет, просто решил пробежаться, погода хорошая, – уныло ответил я, не решившись рассказать о своей ошибке. Лучше бы все же поделился с приятелем. Но кто знал, что через несколько дней события примут такой оборот?

Сашка посмотрел на меня, как на полного идиота, однако приставать не стал. Мы кое-что еще обсудили и опять разошлись, решив встретиться уже вечером. Я по-прежнему оставался не у дел. Отправился бродить по городу – посмотреть, как тут и что, в надежде, что попадется совсем уж оригинальный магазинчик, где можно будет купить подарки для Риты.

Убив таким образом время и все еще ничего не выбрав, я вернулся к дому Шрайберов, на этот раз не заблудившись. Хозяева из-за нашего приезда сегодня появились с работы пораньше, Сашка тоже был здесь, азартно спорил с Гербертом. Я вмешиваться не стал, поскольку предметом спора была Чечня, а на нее у меня после первой войны, в которой я участвовал, и второй, на которой не был, имелась своя точка зрения, в корне не совпадавшая с той, которой придерживаются западные журналисты и политики, решившие почему-то, что могут диктовать России, как ей вести себя с бандитской республикой. И сама не живет, и другим покоя не дает! Пусть бы какой-то американский штат или немецкая земля попробовали отделиться. Да задавили бы в один момент, не считаясь с потерями и расходами на подавление сепаратистов!

– Пойми, Александр, – убеждал немец, – Россия сейчас пожинает плоды своей долгой колониальной политики. Если ты хочешь писать для нашей газеты, то должен смотреть на происходящее именно с такой позиции. Ведь не чеченцы пришли в Москву, а русские наемники в Грозный. И уничтожили его, разрушили полностью, убив при этом тысячи мирных жителей.

– Не чеченцы пришли в Москву? – горячился Сашка. – А взорванные дома в наших городах? В них, между прочим, не офицеры и солдаты жили, а очень даже мирные жители. Которые спали к тому же! Кого ты называешь наемниками? Российских солдат? Да они получают в тысячи, если не в миллионы раз меньше, чем солдаты бундесвера! Копейки получают! А рискуют постоянно! Знаю я, как ваши вояки живут! День прошел, солдатик мундир в шкаф повесил – и в гасштет: пиво дуть и девок шупать. А наш в казарму, где его «деды» всю ночь мучают. И два года он родителей не видит, о девушках только во сне мечтает. Наемники! Да не будь их, чеченские боевики уже по вашим улицам сейчас бы разгуливали! Вы тут сидите и ничего о них не знаете.

Я кашлянул.

– Саш, пойдем покурим...

Шрайберы не курили, и мы выходили на крыльцо, чтобы не мешать хозяевам.

– Ты чего это раздухарился? – поинтересовался я, разминая сигарету.

Загайнов зло сплюнул.

– Да пошли они... Демократы хреновы! Сами Югославию долбили почем зря, а нам морали читают. Терпеть не могу таких козлов!

– Не забывай все-таки, что мы в гостях, – мягко посоветовал я. – А что это он говорил насчет того, чтобы писать для их газеты?

– Была мыслишка, – неохотно ответил Сашка. – Почему бы и нет? У них собственного корреспондента в России нет. И я, глядишь, подзаработал бы валюты. Платить обещали неплохо за каждый материал. Но, как видишь, ничего не выходит. Писать, как они хотят, задницу рвать за «чехов», я не могу и не буду.

– Сашка, опомнись! – возопил я. – Какое писание?! Ты не забыл, где работаешь? Да если шеф пронюхает про такое, он тебя на ленточки порвет! Что, не слышал, как тех офицеров судили, которые на шведов и японцев работали? Так они хоть настоящими журналистами были! А ты про свои газетные подвиги уже забыть должен! У тебя сейчас совсем другие функции!

Загайнов смутился.

– Вообще-то верно... Ну, переключило, бывает. Но не стану же я Герберту докладывать про свои функции? Он меня как журналиста знает. Вот и предложил.

– Что, не знаешь, как вежливо отказаться? Пообещай, что подумаешь. А потом как бы времени не окажется, мол, своей работы по горло... Новости есть какие-нибудь?

– Есть, конечно, как без них! Я, естественно, большого шума не поднимаю, чтобы лишнего внимания не привлекать. А то коллеги коллегами, но, если узнают, чьего сынка мы разыскиваем... Так вот, останавливался Картышев-младший не здесь, в Арнзальце, а в Галле. В общежитии тамошнего университета. Сейчас все проще стало. Любой студент из любой страны может попроситься несколько дней пожить. Без вопросов.

– Галле, говоришь? Странно, мы ведь заезжали туда по дороге, тоже студента высаживали. И еще эту, Елену...

Мне вспомнилась девушка в трамвае сегодня днем. Что-то здесь было неправильным. У меня хорошая память на лица, практически никогда не ошибаюсь. Конечно, не исключено что два человека могут быть очень похожими. Но вот странность – на следующий же день после приезда – такое совпадение... Поделиться с Сашкой своими подозрениями? Нет, рано, смешно буду выглядеть. Жалко, фотографии этой Леночки у меня нет, мог бы прямо сейчас определить, переехала она в Арнзальц или по-прежнему находится в Галле. Ладно, посмотрим, что дальше будет.

– А что ты хочешь? – сказал Загайнов. – Сейчас столько наших студентов по европам шляется. Думают, что здесь образование лучше дают. Ну, образование или нет, а хоть какое-то время пожить по-человечески всем хочется. Кое-кто наверняка и совсем остается. Ничего, завтра мне некоторые подробности здешнего пребывания нашего мальчика пообещали нарыть. Кстати, у тебя какие планы?

– Никаких, – пожал я плечами. Действительно, какие могут быть планы у праздношатающегося туриста? Достопримечательности осмотреть, сувениров прикупить.

– Мы же машину искать поедом. Шрайберы специально с работы отпросились, чтобы нам помочь.

– А не помешают в делах?

– Нет, в этом случае нам действительно их помощь понадобится. И их машина. Здесь автомагазины довольно далеко друг от друга находятся, по периметру города. Пока все обойдется... На такси ведь нам средств не выделили. Значит, придется использовать капиталистический транспорт. Ничего, по-моему, им даже приятно нас наставлять на путь истинный. Так и норовят нравоучения почитать: как мы жить должны, и как – нет.

– Все, не заводись по новой. И вообще, личная просьба – не лезь ты спорить с ними. Все равно ничего не докажешь. Пошли лучше пивка накатим.

– Хорошо, не буду с буржуями спорить.

Мы вернулись в дом. Но, увы, пива так и не попили. Немцы накрыли стол со свечами и французским шампанским. В конце концов, это тоже оказалось неплохо. Вечер прошел в неспешных беседах. О Чечне больше не вспоминали.

Глава 5

Искать машину отправились сразу после завтрака. Мы, конечно, не рассчитывали найти такой же шикарный БМВ, какой был у Герберта. Журналист объяснил, что машину ему выдала компания, купившая местную газету сразу после объединения Германий.

– Я хотел что-нибудь американское. Но мне объяснили, что немецкий журналист должен ездить на немецком автомобиле, – пояснил Шрайбер.

– Понятно, – кивнул Загайнов. – Так патриотичнее.

Опять в его голосе слышался сарказм.

Я пришел на помощь немцу.

– Многие американцы предпочитают машины из Германии. Считают их более шикарными, чем отечественные.

Герберт бросил на меня благодарный взгляд. Похоже, Сашка уже порядком достал его своими агрессивными репликами...

Поначалу мы хотели поискать что-нибудь родное, типа экспортной «Лады», чтобы потом не было проблем с обслуживанием и запасными частями, но, как выяснилось, новых поставок из России давно не случалось, не пользовались наши «тачки» здесь спросом. А те, что были раньше, во времена ГДР, или вывезли наши соотечественники, или отправились на свалки.

Поэтому мы стали обращать внимание на все подержанные автомобили. Их было много. Автосалонов здесь имелось в избытке. Каждый представлял определенную фирму. И на площадках перед ними сияли лаком новенькие «тойоты», «хонды» и «опели». Но где-нибудь в уголке обязательно стояли старые (и не очень) «фиаты», «ситроены» и «форды». Хозяева сдавали их как часть платы за новые машины. У Сашки загорелись глаза, когда он увидел ношенные, но еще в хорошем состоянии «порше». Увы, такие «лошадки» даже с очень большим пробегом были нам не по карману. Приходилось довольствоваться чем-нибудь поскромнее.

Шрайберов мы выдвинули в авангард. Кто, как не журналист в родном городе, может все разузнать и выведать? Хотя бы и о возможности найти недорогой, но хороший автомобиль, способный преодолеть дальний путь и потом еще побегать по разбитым российским дорогам. Семейная пара расспрашивала дилеров с немецкой дотошностью, и через пару часов поиски наши увенчались успехом. Нам попался пятилетний «форд-эскорт» просто в прекрасном состоянии. И запросили за него чуть больше тысячи евро, как раз такую сумму, которую мы могли заплатить.

Сашка почти прыгал от восторга. У него никогда не было собственной машины, только служебные, и он еще не представлял себе, какая это морока. Особенно в Москве. Здесь, в Германии, совершенно не требовался гараж по причине мягкого климата и почти полного отсутствия воровства. Все улицы вдоль тротуаров были уставлены автомобилями, но не слышалось противного завывания сигнализаций, срабатывающих от малейшего дуновения ветерка. Представляю, что было бы, если у нас в один прекрасный день вот так всем оставить свои «тачки», практически без присмотра. Во-первых, сигнализация тут же стала бы орать непрерывно, а во-вторых, к утру милицию со спокойной совестью можно отправлять в дурдом – свихнешься ведь, разыскивая сразу столько угнанных машин!

Я имел как-то глупость купить потрепанного жигуленка пятой модели и с грехом пополам проездил на нем год. Потом не выдержал, продал, даже с небольшим убытком для себя. Замучился доставать запчасти, платить гаишникам и покупать украденные колеса. Поэтому сейчас совсем не возражал против того, чтобы машину зарегистрировали на имя Загайнова. Пусть насладится в полной мере обладанием такого сокровища!

Регистрация заняла всего пару часов. Шрайберов это выводило из себя. «Бюрократы!» – ворчали они. Сашка злорадно усмехался.

– Два часа! А два дня не хотят? Две недели или лучше два месяца? Бюрократы! Посмотрели бы они на наших!

Я молча с ним соглашался.

Вообще-то покупку полагалось обмыть. Но немцы к этому не привыкли, а у нас ситуация была не совсем подходящая для выпивки. Предстояли дела. Во время объезда автосалонов мы всюду задавали один и тот же вопрос: не покупал ли недавно у них молодой русский парень «Ауди-100»? Дескать, хороший наш знакомый, рекомендовал нам одного из местных дилеров, да мы забыли, которого именно. Честные немцы сознавались, что нет, русские у них давно машин не покупают, почти не появляются здесь в последнее время.

Повезло только в бюро регистрации, где нам, кстати, выдали специальные перегонные номера с красной вертикальной полосой. Порывшись в памяти компьютера, служащая, которую Сашка постарался изо всех сил обаять и врал ей беспардонно, сообщила, что да, такую машину недавно регистрировал гражданин России Андрей Картышев и должен был на ней благополучно отбыть в тот же день.

Пока мы шли по следу верно. Вообще-то эти сведения, которые, если честно, нам почти ничего не давали, Загайнов мог получить и в местной службе безопасности. Но он и так там уже засветился в достаточной мере. В конце концов, власти могли всерьез заинтересоваться, а кто же такой этот Андрей Картышев и какого черта он тут делал? И если бы открылась правда про папу-генерала, то раскрыли бы и нас. А это уже лишнее.

Итак, Сашка отправился по своим делам, а я, так сказать, в простоте душевной, решил съездить в Галле. Город посмотреть, его старинный университет, а заодно и узнать кое-что. Машину мы оставили около дома Шрайберов. Нечего на ней пока развезать, не дай бог, случится что – потом не рассчитаешься. Чету журналистов отпустили на работу до вечера, чему они несказанно обрадовались. Надо же, как вьелось стремление работать без отдыхов и перерывов! Никогда не понимал трудофилов, готовых сидеть за своими столами сутками напролет. Любое дело можно исполнять вполне цивилизованно, не нанося вред своему здоровью, в пределах рабочего времени. С другой стороны, на работников с подобными убеждениями начальство всегда смотрит косо. Стремления не проявляешь, усердия не выказываешь – значит, плох, и повышать тебя по службе, премии выплачивать не стоит.

Загайнову о поездке в Галле я не сказал. Заявил, что надо еще побродить по магазинам. Рите ведь так ничего и не купил.

– Да возьми ей духи французские – и дело с концом! – рассмеялся Сашка. – Что ты трудности себе выдумываешь!

Я тоже склонялся в сторону духов, но раздумывать ведь никому не запрещается? Кроме того, боялся, хотя и не сильно, показаться смешным в глазах приятеля со своими подозрениями насчет Лены. И был еще один фактор. Вообще-то за последние годы я привык работать один, без команды. Находил это правильным: отвечаешь в случае чего только за себя и ни за кого больше.

Так что я распрощался с Сашкой и немцами, прогулочным шагом отправился на вокзал, с грехом пополам разобрался с расписанием, сел в выглядевший игрушечным поезд и через сорок минут был в старинном городке Галле. Елена вполне могла в тот же день приехать в Арнзальц, расстояние-то – плевое. Если, конечно, у нее были причины это сделать...

А еще здесь несколько дней жил Андрей Картышев, юноша с мрачными глазами, таинственно пропавший затем на территории далекой Украины. Если жил – должны остаться следы. Хотя времени уже прошло... Но, может быть, что-то и получится...

На первый взгляд, Галле ничем не отличался от Арнзальца. Разве что размерами. Такие же узкие улочки между старинных домов, почти бесшумные трамваи, люди, спешащие по своим делам. Но здесь было много молодежи, гораздо больше, чем в Арнзальце. Понятное дело – университет. И всем этим юношам и девушкам надо где-то жить. Следовательно, существует

куча общежитий. А мне надо найти одно-единственное, то, в котором поселился сатанист из Крестополя.

Впрочем, почему же именно сатанист? Ну, встречался с местными придурками, это еще ни о чем не говорит. Молодежь всегда была общительной, богатой на знакомства. Порой – чрезмерно.

Мне действительно не очень верилось в сатанистскую версию. Почему – затрудняюсь сказать. Просто не верилось – и все. Безо всякой логики. Мало ли у кого какие завихрения в молодости бывают? Но у сына генерала ФСБ? Впрочем, Картышев еще недавно был только полковником...

Поступил я просто и без затей. Разыскал ректорат университета, представился приятелем Андрея и рассказал байку о том, что он должен был мне оставить небольшую посылку от родных. В университете привыкли к русским студентам, поэтому отнеслись к моим вопросам с пониманием. Даже выделили невысокую скуластую девушку, чтобы проводила до общежития, где селили временно приезжавших иностранцев.

Девушку звали Сандра, и была она родом из... Байчории! Надо же, как нынешнего студента судьба бросает. Где Байчория и где Галле! Мне было интересно расспросить мою проводницу, как идут дела на ее родине, ведь я был там в командировке пять месяцев назад и не без оснований полагал, что после наших с Сашкой походов кое-что в этой маленькой степной республике должно было серьезно измениться. Рита мне рассказывала, но ведь интересно мнение и другого человека.

К сожалению, Сандра в полной мере моего любопытства удовлетворить не могла. Она приехала сюда полгода назад и о переменах на родине знала только из писем родителей. Я тоже не стал распространяться о том, что там случилось и что ожидается в ближайшем будущем. Нечего зря языком трепать.

– Интересно здесь? – спросил я. Мы шли по посыпанной песком аккуратной аллейке. На лавочках, как в студенческих городках всего мира, молодежь что-то зубрила, пила пиво, целовалась.

– Сейчас уже не так, привыкла за полгода, – созналась Сандра. – А поначалу ходила и по сторонам глазела. Очень все непривычно, не как у нас. И с языком трудно было.

– А сейчас?

– Да ну, конечно, проще! – засмеялась она. – Почти никаких проблем. Когда попадаешь в языковую среду – поневоле быстро учишься.

– Дружья появились?

– Хватает! Здесь наших, из России много. И другие есть: из Украины, Белоруссии. Чехи, поляки... Даже несколько французов и итальянцев.

– С этими не дружишь?

– Почему? Дружу. Больше, конечно, с нашими и немцами. Тоже неплохие ребята.

Девчонка поглядывала на меня с интересом. Ах ты, чертовка! Только дружишь или... Хотя приехала из глуши, вполне могла «обкататься» за полгода. У них сейчас просто с этим. Раньше называлось «теорией стакана воды», мол, переспать с мужчиной так же просто, как выпить стакан воды. Тоже жажду утоляет. А теперь как? Да никак, наверное, не называется. Просто занимаются этим, не забывая предохраняться, вот и все. Никакой идеологии.

– А что вы делаете, когда занятия кончаются?

– Ну-у, по-разному... Дискотеки каждый день, гуляем... Иногда в другие города экскурсии. Здесь все такое интересное!

– Слушай, Сандра, – наконец решил я. – Не знаешь, секты тут какие-нибудь есть?

– Какие секты? – сделала она коровьи глаза.

– Всякие. Религиозные секты, я имею в виду.

– Это там, где богу молятся?

– Не только богу.

– Этого добра хватает! Придумывают всякую ерунду, а потом смотреть на них страшно. Иногда голодают так, что одежда как на вешалке висит. Тут даже фашисты есть! – добавила она страшным шепотом.

Фашисты меня ни в коей мере не интересовали. Да и местные сатанисты тоже. Пусть с ними власти разбираются. Хотелось разобраться, с кем встречался Андрей и зачем он вообще сюда приезжал. Единственные из его здешних знакомых, о которых мне было известно, все же были сатанистами. Так что приходилось пока топтать эту тропку.

– Послушай, дружок, ты такого Андрея Картышева не встречала?

Она задумалась.

– А как он выглядит?

– Высокий, симпатичный парень, только взгляд у него немного мрачноватый. Он совсем недавно на несколько дней приезжал. И, как в ректорате сказали, жил в той комнате, куда ты меня ведешь.

– Андрей, Андрей... Он не из Крестополя?

– Именно! – обрадовался я. – Выходит, знаешь?

– Ну, как – знаю, – пожала плечами Сандра. – Видела пару раз. Но он почти и не бывал в общежитии. Так, ночевать приходил. А где был в остальное время – не представляю. В университет многие студенты приезжают, которые просто путешествуют. Останавливаются на пару дней, а потом дальше отправляются. На Западе это просто, почти границ нет. Мы летом с друзьями тоже во Францию собираемся. Хочется в Париже побывать. Денег надо немного подкопить. Нам стипендию платят, только очень маленькую. Когда из Байчории уезжала, президент обещал деньги присылать каждый месяц. Два раза действительно по двести марок приходило, а потом – все.

Хм-м, во Францию она собирается... Надо же, как повезло девчонке из заштатной республики! В Германии учится, не в самом плохом университете, на каникулах в Париж едет. Конечно, и у себя дома не последней студенткой была. А может, просто родители – важные шишки, вот и отправили ее по обмену сюда...

Мне Париж даже не снится, такая уж судьба. В Арнзальц попал совершенно случайно и то на несколько дней. Ладно, горевать по этому поводу, что ли?

– Далеко еще?

– Да мы пришли уже. Вот это и есть общежитие.

Здание выглядело очень неплохо. Пятиэтажное, по всему фасаду ряды небольших балконов. Надо полагать, балконы есть у каждой комнаты. И удобства наверняка соответствующие. Человек должен учиться и жить в достойных условиях, чтобы ни он соседям не мешал, ни соседи ему.

– Что, здесь только временные приезжие живут?

– Ну зачем же? Для тех, кто на короткое время поселяется, один этаж, первый. А мы выше живем.

– И у каждого своя комната?

– Нет, обычно комната на двоих. Или на семью, если кто-то женится. Со мной девушка из Николаева живет, украинка, Оксана. Только ее сейчас нет, дома что-то случилось, она на пару недель уехала. Так, а в какой же комнате ваш Андрей жил?

Никакого вахтера в вестибюле не наблюдалось. Здесь не принято было проверять пропуска и сурово контролировать каждого гостя. Разгул демократии. Приходи хоть ночью, хоть днем – никто слова не скажет. И в то же время чисто и уютно. «Общежитие – дом родной» – лозунг, претворенный в жизнь.

Сандра постучала, как мне показалось, в первую попавшуюся дверь, коротко переговорила с открывшим ей полусонным очкариком и кивнула мне.

– Все нормально. Этого Андрея в восемнадцатой селили. Там и сейчас люди есть. Пошли! Мы двинулись по коридору. Общежитие казалось пустым, только порой из-за закрытых дверей раздавалась приглушенная музыка. Не все здесь аккуратно посещали лекции и семинары. Этим местные студенты совсем не отличались от наших. Только никто не бегал с кастрюлями на кухню и не шаркал тапочками, возвращаясь из общего душа. А так – общага, как общага, выглядит только чуть покультурнее наших. Наверняка и гуляют тут при случае как следует. Не зря же иностранцы живут, славяне всякие.

От этой мысли мне стало немного легче, потому что чувствовал я какое-то внутреннее напряжение. Черт его знает, откуда это напряжение появилось. Вроде бы и в достаточно приличном месте находился, и сопровождала меня просто смазливая девчонка с немного раскосыми черными глазами, такую можно встретить у нас на улице и даже не обернуться вслед. И делом я сейчас занимался на первый взгляд совсем не опасным. А вот угнетало что-то, нудело в груди тонким тревожным холодком. Так бывает, когда еще ничего не произошло, но подсознательно знаешь, что может, может произойти многое – от броска ножа в спину до выстрела из-за угла.

И потому я шел за Сандрой, держась позади в нескольких шагах, напряженный и готовый при малейшем реальном признаке опасности прыгнуть в сторону или упасть на пол. По обстоятельствам. Но потом немного расслабился, поняв, что как ни напрягайся и готовься, то, что может произойти, – произойдет. И действовать мне тогда действительно придется по обстоятельствам. А это я умел неплохо...

Восемнадцатая комната находилась почти в самом конце коридора. Обычная деревянная дверь, выкрашенная в серо-голубой цвет. Сандра постучала в нее костяшками пальцев, и дверь почти сразу же открылась. На пороге стоял высокий лохматый парень, настолько широкий в плечах, что едва помещался в дверном проеме. Был он одет в потертые джинсы и куртку, словно собирался выходить из дома на улицу.

– Миша, – проворковала Сандра, – тут человек Андрея разыскивает. Помнишь, у вас жил с неделю назад? Он из Крестополя приезжал.

Миша окинул меня внимательным взглядом с головы до ног, словно прикидывал, стоит ли сознаваться в том, что Картышев-младший действительно побывал здесь.

– Ну, жил, – наконец протянул он. – А в чем дело?

Я решил придерживаться все той же легенды.

– Андрей должен был мне посылочку небольшую из дома передать. У вас он пакета никакого не оставлял?

Сейчас хорошо бы было так ненавязчиво оттеснить парня и заглянуть в комнату. На всякий случай. Но Миша стоял прочно, как скала, и что в комнате происходило, мне было совершенно не видно. Но кто-то там был, это я чувствовал отчетливо.

Парень, немного подумал, затем кивнул.

– Осталось после него что-то. Я все в камеру хранения отнес.

Мне стало интересно взглянуть на эти вещи. Мало ли что, вдруг и отыщется какой-нибудь след.

– Хотите – провожу вас туда, сами посмотрите, – сказал Миша.

– С удовольствием! – воскликнул я. Авось и найдется чего-нибудь интересного. Хотя не нравился мне этот Миша весьма активно, но упускать возможность узнать что-нибудь об Андрее Картышеве было бы непростительно.

– погодите секунду, – сказал Миша и скрылся в комнате. Как я ни прислушивался, но что там происходило, понять не смог.

Появился он, конечно, не через секунду. Мы с Сандрой скучали в коридоре минут пять. Переодевается он, что ли, с раздражением подумалось мне.

Вышел Миша в той же легкой курточке.

– Ну что, пошли? – провозгласил он каким-то неестественно бодрым тоном. – А ты, Сандручка, можешь по своим делам отправляться. Мне с человеком еще поговорить нужно будет. Чего тебе здесь торчать. Иди, малыш, иди.

Как говорила небезызвестная Алиса, все страньше и страньше. О чем этот тип со мной разговаривать собрался? Ну, посмотрим...

Сандра посмотрела на меня с явным сожалением, но подчинилась. Похоже, у этого Миши был тут большой авторитет. А мы двинулись в самый конец коридора. Там была лестница на верхние этажи и еще вниз.

Спустились по ступенькам. Подвалы здесь оказались тоже вполне обычными. Если отвлечься от того, что в этом здании побывал недавно предмет наших с Загайновым поисков, совершенно непонятным было ощущение, заставлявшее меня настораживаться. Да и Миша, несмотря на свои внушительные размеры, не представлял для меня ровным счетом никакой угрозы. Поздоровей него быков валили. Чаще всего – одним резким и точным ударом.

– Сюда, пожалуйста, – Миша, щелкнул выключателем и отступил немного в сторону, пропуская меня. Я решительно шагнул через невысокий порожек и не успел еще ничего сообщить, как почувствовал сильный толчок в спину, и дверь за мной с лязгом захлопнулась.

Некого было бить одним резким и точным ударом, потому что когда я, сделав по инерции несколько шагов, в ярости обернулся, то тут же понял, что эту дверь мне просто так не открыть. Лопухом я оказался, а не бывшим офицером-десантником! Какой-то сопляк-недоучка провел меня, многоопытного, тертого и битого. От злости на самого себя хотелось заорать дурным голосом и садануть кулаком или ногой в закрывшуюся за мной дверь. Но делать этого я не стал. Какой смысл? Потому что дверь была...

Дверь была хороша. Такие я видел только в капитальных бомбоубежищах. Наверное, Миша действительно обладал недюжинной силой, если сумел так быстро закрыть ее. А может, просто хорошо отцентровали дверку, а потом регулярно смазывали, чтобы петли не приржавели. Но в отличие от дверей бомбоубежищ, которые открывались как снаружи, так и изнутри, у этой с внутренней стороны никаких ручек и штурвальчиков не наблюдалось. Крепкая, капитальная, стальная дверь, не предназначенная для того, чтобы попавший внутрь человек смог ее самостоятельно открыть. Попал – сиди и не рыпайся. Когда нужно будет, придут и откроют. Или, что тоже вполне вероятно, не придут и не откроют.

Дойдя в своих размышлениях до такого вот момента, я, наконец, обратил внимание на помещение, вход в которое охраняла такая восхитительная дверка. На тюремную камеру помещение походило мало. Во-первых, в нем не было никакой мебели. Те несколько здоровенных деревянных ящичков, которые занимали всю противоположную стену, назвать мебелью я мог бы с трудом. Но в случае необходимости и на ящиках можно выспаться. Лишь бы никто не мешал.

А во-вторых, стены здесь были уж очень хорошо оштукатурены. У нас и в присутственных учреждениях так не штукатурят. То есть там, где еще штукатурят, а не закрывают какими-нибудь пластиковыми панелями. Что ж, строили это общежитие немцы, а они строить умеют.

В общем, такая чистенькая, ухоженная, довольно больших размеров, комната. Лампы, закрытые металлическими сетчатыми колпаками, горят под потолком. А вот окон нет. То есть абсолютно. И этого было по-настоящему жаль. Потому что долго в своем узилище я оставаться не собирался. Не терпелось выбраться наверх, разыскать Мишу и как следует начистить ему рыло. И Сашка меня ждал в Арнзальце, волноваться будет, если я не появлюсь сегодня к вечеру.

Короче, скорейшим образом надо было искать выход отсюда. А это прежде всего предполагало тщательное изучение подвала, где меня запер Миша. Зачем он это сделал, шутки ли ради или по злему умыслу – потом будем разбираться. Я его стану спрашивать, а он, естественно, станет отвечать. Куда денется, козел?!

Итак, что мы имеем? На подвал это помещение походило лишь отчасти. Комната с высоким потолком, размерами примерно двадцать на двадцать метров. Хорошо освещена, только одна дверь, у дальней стены несколько больших деревянных ящиков. Пол выложен крупной мозаичной плиткой. В узорах мозаики никакого скрытого смысла не наблюдается. Вроде бы все.

Вентиляционная система как запасной выход отпадала сразу. В отверстия, расположенные под потолком, могла протиснуться разве что кошка. Да и то некрупная. В то же время воздух здесь был чистым и свежим. Для чего так хорошо подвал вентилировать? И вообще – зачем он здесь такой нужен? В качестве карцера для нерадивых студиязов? Сомневаюсь, демократия, однако, уважение прав человека. Тут тюрьмы на наши санатории похожи. Сиди – не хочю. Может быть, какой-нибудь склад? Проверим содержимое ящиков...

Обойдя по периметру всю комнату и убедившись, что никаких скрытых выходов в стенах не существует, я подступился к ящикам. Было их шесть штук, примерно одного размера. Только при ближайшем рассмотрении оказались они вовсе не ящиками, крепкими и монолитными, а чем-то вроде камеры хранения. Точнее, такими были пять из шести. Последний отличался от других крепкими запорами.

Вначале я исследовал содержимое «камеры хранения». Миша-козел в каком-то смысле не соврал. Здесь студенты держали вещи, не требующиеся им в повседневной жизни: чемоданы, теплую одежду, какие-то банки и коробки. Было много консервов, так что в случае длительного сидения в подвале голод мне не грозил. Вот еще особенность этого общежития – дверь в хранилище не запиралась, и каждый мог войти и взять то, что ему потребовалось. О возможности воровства, кажется, никто и не подумал.

Раз Миша не соврал в одном, мог не соврать и в другом. А именно: здесь и вправду могли находиться вещи пропавшего Андрея Картышева. Но я отложил поиски этих вещей на потом, поскольку не представлял, как смогу отличить их от остального содержимого камер-хранилищ. Решил сначала поинтересоваться содержимым шестого ящика. И тут меня ожидал сюрприз.

С замками проблем не было. На связке ключей всегда имелась универсальная отмычка, замаскированная под обычный, хотя и несколько вычурный брелок. А пользоваться ей я научился давно. Теперь многие замки не представляли для меня никаких затруднений. Нет конечно, существовали и такие, которые ни одной отмычкой не откроешь, специальные приспособления нужны. Не считая, естественно, родного ключа. Но тут был не такой особый случай. Мне потребовалось всего несколько минут внимания и терпения. Наконец щелкнул один запор, за ним другой, я сложил отмычку, сунул связку ключей в карман и с усилием поднял тяжелую крышку ящика.

Он доверху был наполнен пластиковой стружкой. Так, а что она скрывает? Под сухо шуршащим слоем блеснул металл. Я продолжал разгребать стружку. И наконец моему взору явился какой-то аппарат. Или прибор. Не знаю, как еще можно охарактеризовать зеленого цвета прямоугольный металлический ящик с закругленными углами. На верхней панели имелось несколько шкал и индикаторных лампочек. Судя по тому, что лампочки слабо светились, коробка находилась в рабочем режиме. По идее, она должна была открываться наподобие чемодана. Но ни замков, ни защелок мне обнаружить не удалось. Только небольшой паз сбоку. Н-да, мои познания в технике не простирались настолько далеко, чтобы сразу облегченно воскликнуть: «А, так это же фотохренометр для улавливания полосательно заряженных Ф-частиц и преобразования их в товары народного потребления повышенного спроса, а также для контроля ракетной противовоздушной обороны целого континента!» Я все-таки не киношный Бонд. Джеймс Бонд. Я живой человек со своими слабостями и пробелами в образовании. Так что для меня этот «фотохренометр» был полнейшей загадкой. Может, это всего лишь оборудование для студенческой лаборатории. Некуда девать, вот и поставили сюда временно.

В кипе стружек обнаружился пластиковый пакет с пачкой бумажных листков внутри. Так, инструкция для пользователя. Сам не зная почему, я вытащил пакет и отложил его в сторону. После разберусь. Или Загайнову передам, вдруг он поймет, что к чему. Закидал аппарат стружкой, опустил крышку и шелкнул запорами. Пусть думают, что их никто не открывал.

Так как выхода из подземелья я все еще не видел, настала пора разобраться со студенческими тряпками и попытаться отыскать что-либо, принадлежавшее Картышеву-младшему. Но каким образом? Тут нужно было задействовать мои мизерные экстрасенсорные возможности. Фотокарточка Андрея была у меня с собой. Забрал у Загайнова и сунул в карман куртки. Так, на всякий случай. Ну что же, приступим.

Я сел на пол, прислонившись спиной к одному из ящиков, положил снимок на одну ладонь и, накрыв его другой, закрыл глаза.

Способности мои не позволяют определить, жив человек, изображенный на фотографии в данный момент или нет, и в каком примерно направлении сейчас находится, если расстояние от меня до этого человека превышает пятидесяти – семидесяти километров. Чем он ближе, тем проще все это определить. Сын генерала Картышева исчез на территории Украины, а до этого места отсюда было гораздо более семи десятков километров. Пожалуй, что и пара тысяч. Куда уж тут определять? Но от каждого человека остается след в пространстве. Со временем, естественно, он стирается, исчезает. Но в данном случае прошло не так много дней с момента пребывания Андрея в этом общежитии, и если он действительно здесь побывал, то, хорошенько напрягшись, я смогу определить этот след. В спокойном состоянии, когда никто не мешает. На данный момент мне никто не мешал, даже наоборот. Меня как специально изолировали. Вот и воспользуемся тишиной и покоем.

Дело мне предстояло достаточно трудное. Гораздо труднее, чем уже ставшее обычным определение направления, в котором находится человек, изображенный на снимке. Если честно, то подобных опытов я никогда и не делал. Хотя был уверен, что, если понадобится – смогу.

Обычно в моем сознании возникает этакое сплетение разноцветных нитей. Важно вычленишь, какая из них принадлежит разыскиваемому. А потом по толщине нити и ее расположению можно понять, в каком направлении следует искать и как далеко от меня этот человек. Если же его нет в живых, то ничего не возникает – серая гулкая пустота.

И в этот раз меня окружала такая пустота. Просто Картышев-младший, если и был жив, то находился слишком далеко. Но его след... След проявлялся. Такое слабое дрожащее розовое свечение. Ни с кем другим оно не могло ассоциироваться, поскольку сейчас у меня между ладонями лежала фотография именно Андрея. Итак – первое: он действительно побывал здесь. Теперь следующий этап: откуда свечение сильнее. Справа, еще немного дальше, так, хорошо... Вероятно, это самый крайний ящик. Да, но там куча всего в этих ячейках! Как определить, которая из них?

Попробуем встать и, не открывая глаз подойти к ящику. Плечо уперлось в стену. Он передо мной. Где розовое свечение ярче? В правом крайнем углу. Точнее. Точно, именно там. Кажется все, можно открывать глаза.

Я вздохнул и дрожащей рукой достал сигареты. Потом опустился на корточки. Не то, чтобы ноги не держали, просто в них ощущалось мелкое, противное трясение. Да уж, это действительно оказалось посложнее, чем определить, жив человек или уже умер. Сил израсходовал, будто пару вагонов угля разгрузил. Сейчас козел Миша смог бы со мной справиться. Не скажу, чтобы легко, все равно ему попотеть пришлось бы. Но...

После каждого сеанса поиска со мной происходит что-то подобное. Но не так же сильно, елы-палы! И все равно приятно открыть в себе что-то новое, что отличает тебя от обычных людей. Это как марафон пробежать безо всякой подготовки и на финише смотреть на тренированных спортсменов, валящихся с ног от усталости. Вам слабо, а я могу! И все-таки надо с

подобными опытами поосторожнее. Мало ли как они на моем организме отражаются. Работать только в давно определенных и проверенных пределах. И никому о сегодняшнем не трепаться. Знаю я наших военных, тут же в собаку-ищейку превратят. То им наркотики найди, то проверь вещественные доказательства. Милиции в аренду придумают сдавать. Собакам хорошо, у них нюх с рождения, им это даже в удовольствие. А мне-то каково? Угробят ведь! Молчи, Денис, молчи, никому ни слова, ни полслова. Свое любопытство удовлетворил, вот и довольно. Мысленно улыбайся и торжествуй.

Кстати, докуривай сигарету и принимайся за поиски. Нечего расслаживаться. Ты еще не придумал, как из подвала выбраться. А время между тем уходит.

Ячейка, принадлежавшая Картышеву, оказалась заполненной лишь частично. Да, собственно, почти не была заполнена. Стояла только средних размеров дорожная сумка на молнии. И все. Я вытащил сумку наружу, осторожно поставил на пол. Мало ли что внутри может быть. Пока ничего сверхординарного со мной не произошло, но ощущение опасности не отпускало. Один момент я уже ухитрился благополучно прохлопать. И оказался взаперти. Теперь нужно быть осторожным вдвойне. А то совсем плохо может закончиться моя первая заграничная командировка...

На вид сумка была совсем обычной. Темно-синяя, из такой плотной, скользкой синтетической ткани. Даже не фирменная, скорее всего, китайская, потому что английское слово на боку было написано с грубой ошибкой. Я присел перед ней, осмотрел со всех сторон, чуть ли не обнюхал. Ничего подозрительного. Потянул за язычок молнии. Она с тихим скрипом разошлась. Так что же Андрюша Картышев оставил на хранение в далеком от Крестополя немецком городке?

Несколько грязных разноцветных рубашек, свитер, сильно поношенные кроссовки. Ну да, генерал своего отпрыска не очень баловал по части шмоток. Держал, так сказать, в черном теле. Может, и правильно. Он хоть и генерал, а деньги все равно получает не фантастические, куда меньше какого-нибудь брокера на бирже.

Пачка «Мальборо». Конфискуется в пользу узников темных подземелий студенческих общежитий. И не надо думать, что мне очень стыдно брать чужое. Еще неизвестно, сколько в этом подвале просидеть придется, а в моей пачке всего три сигареты осталось. Может быть, еще и в другие ячейки залезу, когда жрать захочется. Я там консервы видел. А Картышеву эта пачка теперь без нужды. Далеко отсюда Андрюшенька. Если вообще жив.

Несколько книг. Дешевенькая фантастика из прошлых лет, когда стремились издавать все, вплоть до топорных переводов западных писателей. Ни один из них не узнал бы своего дитяти в этой галиматье. Хотя они сами там порой такую муру строчат... Эти книги именно из той когорты. Он что, совсем debil, этот генеральский сын, чтобы подобный бред читать? Или все проще? Ну-ка, полистаем книжечки. Хе-хе, приятная неожиданность! В одном томе между страниц тысяча евро в сотенных купюрах. (Смотри-ка, такие же, как у меня! Не из одного ли источника? Надо потом номера сверить.) В другом – примерно столько же, но уже в американских долларах, в баксах, или, как раньше, давным-давно выражались – в долларах САСШ – Северо-Американских Соединенных Штатов.

Купюры совсем не выглядят старыми. Но и только что вышедшими из станка их не назовешь. Заслуженные, потертые столтники... В третьем томике – ничего. А ведь я уже какие-нибудь фунты стерлингов ожидал. Не совсем бедствовал Картышев-сын.

Конфискуются без возражений. В пользу тех же узников. Им деньги сейчас нужнее. Может быть, стражу подкупать придется, чтобы напильник пронесла – дверь бронированную пилить для побега темной ночью. А если что-то останется – Андрюше при встрече отдам. Вот честное благородное, отдам. Потом. Половину. Может быть...

Я не корыстолюбец. Никогда из-за денег не переживал, сердца себе не рвал. Но, посмотрев на здешние цены и сравнив их с нашими, понял, что на те командировочные, что нам

выдали, не очень-то поищешь пропавшего человека. И ведь это мы еще никуда не едем! А ведь о мздоимных польских и украинских полицейских и таможенниках легенды ходят. Да и наши стражи границ и дорог, думаю, им не уступают. Так что находка пойдет только на пользу исчезнувшему юноше. Благодарить будет, если действительно случилось что-то серьезное, а мы его найдем и поможем...

Не скажу, чтобы настроение мое от находок сильно улучшилось, но к этому времени я уже немного отошел от последствий своего опыта и чувствовал себя значительно лучше. Так что оптимизма прибавилось, на смену злости пришло даже некоторое юмористическое осмысление ситуации, в которую попал. Действительно, смешно, когда многоопытный, решительный мужик попадает в ловушку какого-то сопляка. Вот-вот, не так решительно надо было действовать, осмотрительнее, «тщательней».

Я прервал инспекцию сумки, поднялся, разминая ноги прошелся по комнате, закурил. В принципе ничего такого уж страшного со мной не произошло. Свет Мишаня забыл погасить, а это такой плюс! Сейчас бы скитался в темноте, натываясь на ящики. Воздуха здесь в избытке, есть пока не хочу, а захочу, так устрою налет на студенческие запасы. Не обеднеют. Курево тоже пока есть. Вот с водой трудновато. Но опять же, посмотрим, что там студентики местные хранят. Сашка будет дергаться, это гораздо серьезнее... Понадеемся на то, что кому-нибудь из обитателей общежития понадобится взять что-то из своего чемодана. Тогда и подсуетимся. Лишь бы поскорее такая нужда возникла. Нет, в общем, поводов для паники. Вот и прекрасно. Продолжим наши игры...

Дальше в сумке пошли менее интересные вещи. Плеер для компакт-дисков, блок запасных батареек к нему, несколько порнографических журналов. Увы, самих компакт-дисков я не обнаружил, зато на самом дне лежала обыкновенная толстая общая тетрадь, исписанная почти до конца мелким убористым почерком. Как я понял, это был дневник самого Андрея Картышева, который, словно девица, подробно записывал каждый свой день. А может быть, он ощущал себя великим человеком и рассчитывал впоследствии написать мемуары? Такое тоже бывает.

Но сразу приняться за чтение тетради у меня не получилось. Внезапно с той стороны двери послышался металлический скрип. Кто-то пытался ее открыть. Я сунул дневник и инструкцию к неизвестной установке под куртку и стал сбоку от двери так, чтобы вошедший не сразу смог меня увидеть. Скорее всего, это вернулся Миша. Может быть, даже не один. Ничего, разберемся.

Запоры щелкнули, открываясь, и я приготовился к броску. Но секунда проходила за секундой, а никто не спешил войти в подземелье. Дожидаются, пока выйду я? Ну хорошо, сейчас выйду. Только уж потом не обессудьте...

Дверь плавно, практически беззвучно подалась под нажимом моей руки. В открывшуюся щель не было видно никого. Пустой коридор и лестница, уходящая вверх. Что за ерунда? Неизвестный благодетель открыл замок и тут же сбежал? Действительно, ерунда. Нет у меня тут благодетелей и быть не может.

Время шло, за дверью ничего не происходило, я, как дурак, дожидался развития событий. Наконец это мне надоело. Стараясь держаться стены и готовый ко всему, поднялся по лестнице, выглянул в коридор общежития. И здесь никого. Тишина и пустота. Раз так, самое время с Мишенькой разобраться. Навестим восемнадцатую комнату.

Дверь в нее оказалась заперта. И ни звука с той стороны не доносилось. Да что они, повымирили все здесь, что ли?! Кладбище какое-то, а не студенческое общежитие.

Будь у меня оружие, можно было в лучших полицейских традициях ногой вышибить дверь и заорать: «Всем на пол! Руки за голову! Стреляю без предупреждения!» А так пришлось тихонько ковыряться своей любимой универсальной отмычкой.

В тот момент, когда замок шелкнул, открываясь, кто-то тихонько похлопал меня по плечу и знакомый голос произнес:

– Решил на пиво с сосиской грабежом подработать?

При первом же звуке я резко присел и прыгнул в сторону, стараясь оказаться лицом к противнику. Но вот противника как раз и не было. Передо мной, улыбаясь во весь рот, стоял... Сашка Загайнов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.